

Готицизм историка Иордана: становление и парадоксы «готского мифа»

В статье рассматриваются особенности формирования готского варианта всемирной истории, созданного в середине VI в. Иорданом для утверждения жизнеспособности власти гото-римского Остготского «королевства». Автор анализирует, каким образом «Гетика» Иордана, вытесняя «римский миф», завершила оформление основных положений «готского мифа». Обращено внимание на то, что в XX в. «готский миф», как когнитивный образ, выступил основой концепции истории готов Л. Шмидта, получил признание исследователей и в скрытой форме выражает мифологию современного готицизма.

Ключевые слова: варвары, цивилизация, готы, Иордан, «Гетика», «готский миф», готицизм, Великое переселение народов.

Среди авторов, сочинения которых в течение столетий были объектом пристального внимания исследователей, источником бурных бескомпромиссных дискуссий, имя готского историка VI в. Иордана остается по-прежнему одним из первых. Это объясняется не только противоречивостью фигуры самого Иордана, сложностью композиционной структуры и содержания его главного труда «О происхождении и деяниях гетов» (*De origine actibusque Getarum*) (сокращенно – «Гетика»). В событиях Великого переселения народов (II–VII вв.) историки отводят центральную и доминирующую роль восточногерманскому племени готов, которому Иордан и посвятил свое сочинение. Но уже к концу XX в. непримиримое противостояние поющих осанну готам и низвергающих эти племена с пьедестала истории зашло в тупик. Но хотя исследователи и декларировали «объективное прочтение источников» и отказ от «идеологически нагруженной их интерпретации», большинство накопившихся вопросов по истории готов продолжало оставаться нерешенными. Это по-прежнему привлекает внимание к готской проблеме, в частности к особенностям формирования так называемого готского мифа и

фигуре главного его создателя Иордана¹. По объему и разнообразию содержания, по ценности информации, по спорности в науке связанной с ней проблематики, по особой популярности «Гетика» Иордана занимает в историографии особое место. В XIX–XX вв. это сочинение было в центре внимания таких известных ученых, как Т. Моммзен, А. Гуттшмид, В. Ваттенбах, Н. Вагнер, Е.Ч. Скржинская, Х. Вольфрам². В настоящее время разносторонний исторический материал «Гетики» является предметом серьезных междисциплинарных исследований, продолжает развивать и формировать новые направления современного готтицизма, представленные исследованиями И. Коркканен, В. Гоффарта, Дж. О’Доннел, Т. Барнса, П.Дж. Хизера, А.С. Кристенсен, П.П. Шкаренкова, И.В. Зиньковской³.

Еще до издания «Гетики» в 1882 г. начался кропотливый анализ ее текста, который продолжается и в настоящее время. Установлено, что Иордан достаточно субъективно отражал основные события эпохи Великого переселения народов. И то, что в их изложении нет последовательности и логической завершенности, может лишь свидетельствовать об условиях и ситуативных обстоятельствах, в которых создавалось это сочинение. В 550/551 гг., в последние годы существования Остготского королевства, находясь в Равенне, Иордан, по просьбе своего друга, вероятно, крупного должностного лица Касталия, спешно писал/составлял «Гетику». По замыслу она должна была представлять собой краткое изложение 12-томной (утерянной впоследствии) «Истории готов» Кассиодора с привлечением сочинений греческих и римских историков. «История готов» тайно хранилась в одном экземпляре в Равенне, где чаще всего жил Кассиодор, находясь в ведении его управляющего. От него Иордан, выполняя заказ Касталия, получил это сочинение, чтобы освежить в памяти историю готов и передать ее «своими словами» (*Iord. Get.* 1). За 3 дня он перечитал 12 книг, а затем в большой спешке в короткий срок сделал эксцерпт этого сочинения.

Для исследователей Иордан стал своеобразным символом политической конъюнктуры эпохи Великого переселения народов и «варварских королевств». В отличие от Кассиодора, преследовавшего цель восстановить древнюю историю готов, придать ей глубину и величие, тем самым оправдать готское господство, он занимал византийско-верноподданническую позицию посредника между готами и Византией. Как представитель готской элиты, он выражал настроения той части остготской знати, которая желала соглашения с Византией, хотя бы ценой подчинения остготов последней. «Гетика» отразила встречу варварства и цивилизации в наивысшей точке их взаимодействия.

Стоит напомнить, что «Гетика» – это обобщенный образ действительности эпохи Переселения народов, созданный варваром, потерявшим свой Барбарикум, который стремился вписаться в систему ценностей римской (ромейской) цивилизации. Сумбурное изложение событий, путаница, избирательная характеристика военных действий, лакуны и умолчания – факторы не только проимперской тенденциозности Иордана, но и рефлексии писателя «варварского королевства», находящегося перед катастрофой завоевания своего отечества – Остготского королевства. Композиция и стилистика «Гетики» показывают, что Иордан не столько писал историю готов (*Getarum origo*), сколько создавал для власти «варварского королевства» благородных Амалов (*Amalorum nobilitas*) готский вариант всемирной истории, посвященный *virorum fortium facta*. Если Кассиодор сделал историю готов частью римской истории, то Иордан показал римскую историю в момент ее соприкосновения с готами. В сущности «Гетика», отражая встречу варварства и цивилизации в наивысшей точке их соприкосновения, обозначила уникальные, вневременные паттерны «варвара» и «варварства». Варвар стремится «ложью возбудить доверие», он человек хитрымный, который, раньше чем затеять войну, борется искусным притворством. «Он жаждет порабления вселенной, не ищет причин для войны, но – что бы ни совершил – это и считает законным... Он презирает право и божеский закон и выставляет себя врагом самой природы» (*Iord. Get.* 186–187). Кассиодор писал для римлян, призывая их принять господство варваров. Иордан пишет для готов, убеждая их к трезвому смирению и преклонению перед византийским императором. Многие из реальных и вымышленных персонажей «Гетики» – бывшие варвары, ставшие римлянами. Их цель – обретение на римской земле статуса, соответствующего их происхождению и личным заслугам, римского гражданства, позволявшего вести римский образ жизни. Оппозиция «цивилизация – варвары» в тексте присутствует, однако такие понятия, как «варвары» и «варварский», Иордан употребляет только в значении «чужой» (*Iord. Get.* 40, 69, 84, 85, 177). Он не разграничивал *Rex Romana* и *Rex barbaria*. Для него эти миры взаимосвязаны, неразделимы и представляют единый *totus terrae* или *orbis terrae*. В этом земном круге доминирует пространство *rei publicae Romanae*, которому лишь однажды противопоставляется *barbariae tota* (*Iord. Get.* 179). Также однажды, в связи с вандалами, в «Гетике» упоминается лимес, в значении границы между Римской (ромейской) цивилизацией и варварским миром⁴.

Язык Иордана не содержит понятия «цивилизация», однако изложение *Origo Gothorum* и общая логика повествования выстра-

ивались в рамках модели римской системы ценностей. Война, как почетное дело, достойное римского гражданина, в «Гетике» представлена основным средством решения всех проблем. Вся жизнь варварского племенного мира подчинена военным задачам. Иордан постоянно меняет противников, показывает разные масштабы военных действий, различные способы ведения войн, отмечает различные их цели и результаты, но война остается самым почетным, достойным занятием и «престижной» работой: можно прославиться, сделать карьеру и обогатиться. Известно, что Римская цивилизация определяла положение человека исходя из его вклада в «общее дело». Иерархия племен, народов, а также значение той или иной личности выстраивается в «Гетике» по соответствующей модели: что сделано предками и самим человеком, родом или племенем. При этом подчеркивались именно те достоинства, которые способствовали достижению определенных побед или процветания племени. Римская ментальность рассматривала «общую пользу» как пользу каждого. В изложении Иордана чем могущественнее становились готы, тем больше они возвышались над другими народами. Это позволило Иордану поставить их в один ряд с римлянами и утверждать: римляне и везеготы *primas mundi gentes* (Iord. Get. 182). Закон почитался римлянами как высшее связующее начало. Иордан же различает тех, которые живут *inhabitant ritu beluino* или в соответствии с природой, по собственным законам (*naturaliter propriis legibus*), и тех, которые отважились подчиниться римским законам (Iord. Get. 23, 69, 116, 131). Народы, вставшие на этот путь, согласно Иордану, уже не *advene et peregrini*, но *cives et domini*. Конунгов «варварских королевств» он оценивает по тому, руководствовались ли они законами во имя общего блага рода или племени или удовлетворялись своими капризами.

Римская ментальность включала «римский миф» о доблести (*virtus*) римлян, создавших величие государства, а также императорский культ и исключительное место «первого лица» в делах государства. Утверждение божественной, сверхчеловеческой природы императорской власти коснулось и персонажей «Гетики». Иордан пишет, что император – это *terrenus deus*, для которого характерны ум (*ingenium*), доблесть (*virtus*) и благоразумие (*consilium*), так же как для готских конунгов доблесть и благородство происхождения (*virtutis et generis nobilitate*) (Iord. Get. 139, 143, 174). Конунги готов выступают знаком высшей «харизматической» справедливости. Среди них многие почитаемы не потому, что справедливы, а потому справедливы, что почитаемы. Это, к примеру, отличавшиеся «доблестью и благородством» (*virtutis et nobilitatis*) Геберих, «умом и доблестью» (*prudentia et virtute*) Эрманарих, «строгий

и благоразумный» (*destrictus et prudens*) Валия (*Iord. Get.* 112, 120, 164). Образ вождя – лидера готов у Иордана включает не только право на хранение родовых традиций, но и «присвоенное» право на генеалогию, что лишало «происхождения» остальных.

Так в эпоху Великого переселения народов этот «подростковый период» европейской средневековой цивилизации, «римский миф» начал постепенно вытесняться «готским мифом». Иордан один из первых обратил внимание на то, что уже римляне выделяли готов не столько в роли завоевателей, сколько в силу того, что они проявляли интерес к культуре и традициям Империи, который был несвойственен другим племенам. По его мнению, готы были самыми образованными (*sapientiores*), «человечными и цивилизованными» (*humaniores et prudentiores*) (*Iord. Get.* 40, 42). Они оставались единственными из всех варварских племен, кто пытался приобщиться к римской культуре и наукам (*Iord. Get.* 69–72).

В римской системе ценностей особенную роль играла связь статусов, социальных ролей, *ordines*, с некоторыми видами деятельности. Имела место иерархия статусов, основанная на общественных функциях, военно-политических и социальных ролях. Статус «федератов» выделен Иорданом как основная социальная ниша готов в пределах Империи (*Iord. Get.* 89, 112, 141, 145, 165). В силу этого обстоятельства готы заняли ведущее положение в управлении государством. Они окончательно превратились в «народ-войско» и стали для Римской империи *murus regni* (*Iord. Get.* 132).

В «Гетике», когда речь идет о племенах вне римского мира, Иордан отмечает их отличия, особенности этнонимов, но нигде не говорит о наличии языкового барьера между племенами. Лишь в пределах римского цивилизационного пространства он выделяет язык как фактор, способствующий или препятствующий «вхождению» варваров в римский мир. Впервые появляется определение «племена своего языка» (*linguae huius nationem*), как и осознание того, что для приобщения к христианским ценностям готам требовались «наставники на их языке» (*doctores linguae suae*) (*Iord. Get.* 131, 133).

Менталитет романизированного варвара, проявившийся в «Гетике», отразил тот критический и трагический рубеж, когда готы уже были готовы к созданию собственной цивилизации, но наложенная на эту готовность матрица римской системы ценностей, которую они стремились усваивать, привела в конечном итоге к тому, что народ готов дал истории опыт несостоявшейся цивилизации. В «Гетике» Иордан фактически завершил оформление основных положений «готского мифа»: *высшей ценностью и ориентиром выступало Племя (gens), которому предназначено*

вечное странствие в поисках Ойум и господство над другими народами, быть primas mundi gentes; народ (populus) готов, проходя через тяжёлые испытания и потери, приобрел человечность и просвещенность (humaniores et prudentiores); предводители и вожди готов отмечены доблестью и благородством происхождения (virtutis et generis nobilitate), им предназначено приумножать славу предков во имя готского величия.

Потребность появления «готского мифа» была обусловлена тем, что во II–IV вв. в период становления «больших племен» произошло быстрое и радикальное оформление этнической идентичности готов, так называемой этнической и этноориентированной их корпоративности, которая определялась формулой – *не так важно готом быть, как готом слыть*. Собираательный образ «особливости» готов формировала не только греко-римская интеллектуальная элита, но и выходец из Барбарикума, автор готского варианта всемирной истории, создатель «готского мифа» – Иордан. До VI в. письменная традиция сохраняла представление о «ситуативной готскости» и готском этноцентризме (авторитет, солидарность, пафос постоянной угрозы)⁵. Эпоха Великого переселения народов формировала стереотипы готского превосходства и готской приниженности, но в большинстве случаев они позиционировались как incolume и victores варварского мира. Определились и каналы формирования готицизма, в их числе нарастающая активность индивида (личные амбиции вождей и конунгов), обостренное отношение к традиции («изобретенная традиция»). Складывалось общее мифологизированное представление о «готскости», готских качествах.

Так величие готов в «готском мифе» детерминировалось наследием, а устойчивый культ их исключительности основывался на архетипе предковости и особой харизматичной миссии племен. Из обилия образов, имен и деяний экономная устная память варварских племен сохраняла то, что подпитывало проект их исторических претензий, их желанного будущего. Формирование готской идентичности выстраивалось на оси «восходящих» процессов, к которым можно отнести, прежде всего, победы, завоевания, дипломатические успехи, романизацию и conversio отдельных лидеров. Но вектор сплочения готских племен, их этническая консолидация определялись и «нисходящими» изменениями. В их числе поражения, гибель народов, правителей, потери, бедствия, моральный разлад, дезориентация. В варварском локале Великого переселения народов готы последовательно транслировали изменчивость, неустойчивость и подвижность Barbaricum solum. Они наполнили новым смыслом само понимание движения как изменения,

как проявления стихийной и неистребимой жизненной энергии. Выражая вектор восходящей качественной преобразовательности, имя готов притягивало племена к своим победам (*suis applicavere victoriis*). Этот ценностный идентитет выражал осознанную или неосознанную интенцию на принадлежность к готской общности. Рожденный в ходе миграций II–VII вв., «готский миф» утверждал актуально освоенную варварским миром формулу – *Gothi superiores inventi sunt* (готы имели преимущества). Присоединяясь к готским победам и достижениям, племена утверждали тем самым величие и высокое мнение (*magna opinio*) готов.

Итак, обратившись к творчеству готского историка VI в. Иордана, который, удалившись от государственных дел, предался литературным занятиям и по заказу составил свое главное сочинение «Гетику», можно сделать предположительный вывод. Более чем двухвековая история исследования «Гетики» показывает, что особая популярность этого источника в историографии состоит не только в уникальности тех свидетельств по истории готов, которые в нем представлены, но прежде всего в «готском мифе», той схеме-концепции готской истории, которая создавалась Иорданом и именно на страницах «Гетики» оформилась в «готский миф». Опираясь на «готский миф», на эту схему местопребывания готов во всемирной истории, выдающийся немецкий исследователь истории германских племен Людвиг Шмидт сформулировал общую концепцию истории готов. Кратко она сводилась к следующему. Готы – народ восточногерманского происхождения, имевший прародину в Южной Скандинавии. На рубеже н. э. они переселились в устье Вислы. Постоянно двигаясь на юг, к началу III в. готы оказались в Северном Причерноморье. Здесь они создали весьма могущественные объединения («королевства»), которые стремились к господству над многочисленными местными племенами и вели успешные наступления на придунайские владения Империи. В IV в. готские племена были разгромлены гуннами и под их давлением вынуждены были отойти на запад, в Трансильванию и на Балканы. Отсюда началась их одиссея, закончившаяся далеко за Пиренеями. Простота и логичность созданной Л. Шмидтом концепции истории готов обеспечила ей признание. Безусловно, не последнюю роль сыграл и прочно утвердившийся с конца XIX в. в историографии готской проблемы авторитет «Гетики». И это несмотря на то, что вокруг этого сочинения стало накапливаться столько же мифов и фантазий, сколько их встречалось в самом тексте источника.

Историки безоговорочно приняли как достоверную иорданову схему истории готов, считая, что нуждаются в уточнении только

отдельные ее детали. И эта работа шла в рамках обычного источниковедческого анализа. Он включал споры о времени и обстоятельствах возникновения самого источника, сличения конкретных фрагментов с текстами сочинений современников и предшественников, особенно тех, чьими сочинениями он пользовался. Разрабатывалась хронологическая канва событий, ставились вопросы о достоверности свидетельств Иордана по целым сериям проблем⁶. Но в целом общая оценка его труда не менялась. Вплоть до 60-х годов XX в. господствовало мнение, что для периода Великого переселения народов этот источник незаменим, хотя и тенденциозен. С конца XIX в. изучение «Гетики» превратилось в зеркало изучения истории готов. Подходы к исследованию «Гетики» развивались и менялись постольку, поскольку развивался и менялся интерес к самой готской проблеме, что тормозило и одновременно стимулировало внимание к «Гетике». Многие исследователи, как например, Э. Шварц, Х. Райнерт, Х. Гелблинг, К.К. Клейн, Х. Розенфельд и другие, видели свою задачу в установлении и описании все новых и новых фактов, подтверждающих и развивающих концепцию Л. Шмидта⁷. Слова Ранке о том, что нужно писать так, как это, собственно, было (*wie es eigentlich gewesen*), оставались и остаются магическими для многих поколений исследователей, занимавшихся историей готов.

В научных исследованиях конца XX – начала XXI в., когда эпоху Великого переселения народов стали рассматривать как единое историческое пространство взаимодействия варварского мира и Римской цивилизации, стал вновь возрождаться позитивный интерес к материалу «Гетики», началась в определенном смысле «реабилитация» Иордана в общем потоке раннесредневековой письменной традиции⁸. Взгляд на Иордана как на самого низкопробного компилятора, который в большой спешке сделал эксерпт сочинения Кассиодора, добросовестно передавая его вымыслы и фальсификации, сменил «штамп» абсолютного доверия исторической логике «Гетики» и восхваления готов и их конунгов. «Икона» Иордана и созданный им «готский миф» снова заслонили реальный мир человека варварского мира, действующего в реальной обстановке⁹.

Итак, обратившись к «Гетике», можно убедиться, что идея стройной и красивой схемы готской истории, составленной Л. Шмидтом, на основе которой историки и археологи на протяжении многих десятилетий развивали идею готского величия, в сущности, утверждала в исторической литературе латентное присутствие «готского мифа», созданного Иорданом. Вопрос о том, почему и как возникла потребность постоянно трансформировать

именно готские, а не вандальские, франкские, бургундские или какие-либо другие варварские шаблоны (паттерны) в исторический миф, требует более детального рассмотрения, являясь одной из центральных проблем современного готицизма.

Примечания

- ¹ *Mommsen Th.* Jordanes. Getica / Ed. Th. Mommsen // MGH. Auct. Antiquiss. B., 1882. T. 5. Pars 1. P. 53–138.
- ² *Mommsen Th.* Jordanis Romana et Getica. Prooemium // MGH. Auct. Antiquiss. B., 1882. T. 5. Pars 1; *Dahn F.* Jordanis // Allgemeine Deutsche Biographie. Lpz., 1881. Bd. 14; *Gutschmid A.* Zu Jordanis // Kleine Schriften. Lpz., 1894, Bd. 5; *Wölfflin Ed.* Zur Latinität des Jordanes // Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik. Lpz., 1900. t. 11; *Wattenbach W.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Weimar, 1952. Hf. 1; *Werner F.* Die Latinität der Getica des Jordanes. Halle, 1908; *Wagner N.* Getica: Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten. B., 1967; *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1960 (2-е изд. СПб., 1997); *Wolfram H.* Geschichte der Goten. München, 1979.
- ³ См., например: *Korkkanen I.* The Peoples of Hermanaric: Jordanes, Getica 116. Helsinki, 1975; *O'Donnell J.J.* The aims of Jordanes // Historia. 1982. № 31; *Thompson E.A.* Romans and Barbarians. The Decline of the Western Empire. Madison, 1982; *Goffart W.* The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon. Princeton, 1988; *Heather P.J.* Goths and Romans 332–489. N.J.: Oxford, 1991; *Christinsen A.S.* Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths: Studies in a Migration Myth. Copenhagen, 2002; *Санников С.В.* Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии. Новосибирск, 2009; *Шкаренков П.П.* Образ власти на рубеже античности и средневековья: от империи к варварским королевствам: дис. докт. ист. наук. М., 2009; *Зиньковская И.В.* Королевство Эрманариха. Воронеж, 2016.
- ⁴ *Iord.* Get. 113 ...ad nostrum limes...
- ⁵ *Буданова В.П.* Корпоративность раннесредневековой этнической общности: миф или реальность? // Социальная идентичность средневекового человека / Отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. М.: Наука, 2007. С. 302–308.
- ⁶ Обзор литературы см.: *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica). С. 7–61; *Wagner N.* Getica: Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten. B., 1967. S. 3–59; *Hachmann R.* Die Goten und Skandinavien. B., 1970. S. 15–143.
- ⁷ *Schwarz E.* Goten, Nordgermanen, Angelsachsen: Studien zur Ausgliederung der germanischen Sprache. Bern; München, 1951; *Idem.* Die Urheimat der Goten und ihre Wanderungen ins Weichselland und nach Südrussland // Saeculum, München, 1953. Bd. 4. Hf. 1. S. 13–26; *Idem.* Die Krimgoten // Saeculum, München, 1953. Bd. 4.

- Hf. 1. S. 156–164; *Idem.* Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956; *Reinerth H.* Vorgeschichte der deutschen Stämme. Bd. 3. Ostgermanen und Nordgermanen. Lpz.; B., 1940; *Helbling H.* Goten und Wandalen: Wandlung der historischen Realität. Zürich, 1954; *Klein K.K.* Germanen in Südosteuropa // Völker und Kulturen Südosteuropas. München, 1959. S. 32–56; *Idem.* Frithigern, Athanarich und die Spaltung des Westgotenvolks am Vorabend des Hunneneinbruchs (375 n. Chr.) // Südostforschungen. 1960. Bd. 19. S. 34–51; *Rosenfeld H.* Goten und Greutungen // Beiträge zur Namenforschung. Heidelberg, 1956. Bd. 7. Hf. 2. S. 195–206; Bd. 8. Hf. 1. S. 36–43; *Idem.* Ost- und Westgoten // Welt als Geschichte. Stuttgart, 1957. Jg. 17. Hf. 4. S. 245–258; *Idem.* Vermischung der alten Gotenstämme // *Ibid.* Hf. 1–3. S. 1–245; *Idem.* Kultur der Germanen // Abriss der Geschichte antiker Randkulturen. München, 1961. S. 17–38.
- ⁸ См., например: Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert. Wien, 1980; Late Antiquity: Empire and Successors., A.D. 425–600 / Ed. A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge, 2000; *Heather P.J.* Op. cit; Interpreting Late Antiquity: Essays on the Postclassical World / Ed. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge, 2001; *Christinsen A.S.* Op. cit; *Goffart W.* Op. cit; *Idem.* Barbarian Tides. The Migration Age and the Later Roman Empire. Philadelphia, 2006; *Idem.* Romes Final Conquest: the Barbarians // History Compass. 2008, № 6/3. P. 855–883; Regna and Gentes. The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World. Brill; Leiden, 2003; *Ward-Perkins B.* The Fall of Rome and the End of Civilization. Oxford, 2005; *Уколова В.И.* Культура остготской Италии // Средние века. М., 1983. Вып. 46; *Она же.* Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века). М., 1989; *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 1999; *Она же.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000; *Шукин М.Б.* Готский путь. СПб., 2005; *Шкаренков П.П.* Указ. соч.; *Он же.* «Римский миф» на рубеже эпох: историческая память и исторический нарратив // Новый исторический вестник. М., 2008, № 1. С. 20–30; *Он же.* Падение Римской империи: стереотипы историографии и новое прочтение источников. Там же. С. 233–239; *Санников С.В.* Указ. соч.; *Он же.* Произведение Иордана «О происхождении и деяниях гетов (Getica) как источник для изучения процесса становления королевской власти у германских народов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск, 2007. Т. 6. Вып. 1: История. С. 3–9.
- ⁹ *Teillet S.* Des Goths à la Nation gothique. Les origins de l'idée de nation en Occident du Ve au VIIe siècle. Paris, 2011; *Coumert M.* Jordanès // Les Barbares / Dir. Br. Dumézil. Paris, 2016, P. 814–817.